

- Ваше Высочество Чан Цин Ван, - Жун Ся поставил чашку чая перед этим неожиданным гостем. - Визит Вашего Высочества приносит свет в моё скромное жилище.

- Хех, - Чан Цин Ван загадочно рассмеялся, поднял чашку, чтобы выпить. - Я думал, тебе не понравился этот незваный гость.

- Ваше Высочество шутит, - увидев, что чашка наполовину опустела, Жун Ся снова наполнил её.

Его руки были бледными с отчётливыми суставами, это были руки элегантного, утончённого и хорошо воспитанного человека, которые, если бы только владелец захотел, могли создавать драгоценные картины, которые могли бы заставить бесчисленное количество людей безумно карабкаться, как утки, и охотно потратить целое состояние без сожаления.

Чан Цин Ван был знаком с Жун Ся в течение многих лет, но их отношения никогда не развивались. Чан Цин Ван мог иметь много приятелей, но никогда не иметь близких друзей. Он восхищался Жун Ся, но это был предел.

- У тебя, кажется, хорошие отношения с хоу Цзинтином? - Чан Цин Ван со свистом раскрыл свой веер, обмахиваясь им перед собой.

- Хм? - Жун Ся поставил чайник на стол, слегка улыбнулся: - Я имел с ним несколько бесед.

- Я думал, ты и эта Цзюньчжу... - Жун Ся взглянул на него, Чан Цин Ван рассмеялся: - Просто шучу, не принимай это всерьёз.

- Ваше Высочество, лучше не шутить над вопросом жизни леди, - Жун Ся отвёл взгляд, взял свою чашку и слегка вдохнул аромат, он осторожно покрутил чашку, но пить не стал.

- С каких это пор мы перестали говорить об отношениях мужчин и женщин в этой столице? - Чан Цин Ван закрыл свой веер и бросил его на стол: - Кроме того, столица сейчас занята обсуждением вопроса между Цзюньчжу Фу Лэ и младшим сыном Ди Цзосяна.

Чай в чашке в руке Жун Ся всё ещё мягко кружился, когда молодой человек мягко поставил чашу на стол.

Чан Цин Ван знал, что Жун Ся не интересовали подобные сплетни о куриных перьях и чесночной шелухе, но это не повлияло на его собственный интерес, поэтом молодой человек продолжал болтать дальше.

- Не знаю, как семья Янь учит своего сына. Он споткнулся сразу после того, как увидел красавицу, клянясь, что это должна была быть та девушка Бань Хуа, - думая о Бань Хуа, лицо Чан Цин Вана выразило некоторое восхищение: - Но эта девушка действительно очень

хорошенькая, если бы только я не был её двоюродным дядей, может быть, я тоже... Хм.

Жун Ся отпил глоток чая, всё ещё храня молчание.

- На самом деле это не было чем-то большим, - Чан Цин Ван покачал головой и вздохнул: - Просто односторонняя любовь. Янь Чжэнь сильно влюбился в Цзюньчжу Бань, но у неё ничего не было для него. Янь Чжэнь сейчас так болен после того, как вернулся, что я слышал, что лекарства больше не действуют. Семья цзосяна настолько расстроена, что они умоляли семью Бань выдать за него свою дочь.

- Янь Чжэнь болен? - Жун Ся поднял брови: - Он всё ещё был в порядке несколько дней назад на семейной вилле Ши.

- Есть ли что-нибудь интересное на семейной вилле Ши? - Чан Цин Ван покачал головой: - Люди из семьи Ши такие же, как их фамилия, все скучные (1). Только Ши Цзинь отличается, он выглядит талантливым.

Жун Ся нахмурился, слишком ленивый, чтобы уделять ему больше внимания.

- Ах да, я говорил о болезни Янь Чжэня, - Чан Цин Ван вернулся к теме. - Семья Янь пригласила Императорских врачей, но те сказали, что это болезнь сердца, поэтому лекарства бесполезны. Бедная Цзюньчжу Фу Лэ просто слишком хорошенькая, что не идёт ей на благо, навлекая на себя такого рода неприятности. Брак - это вопрос любви и согласия, Янь Чжэнь, создающий такую путаницу, просто поджигает семью Бань, - Чан Цин Ван не имел хорошего впечатления о Янь Чжэне, этом книжном черве. - Вот почему мне не нравятся эти книжные черви. Они весь день утыкаются в книги, но как только они встречают красавицу, все приличия, справедливость, честность, честь, сыновнее благочестие и доброжелательность вылетают из окна, и они заставляют хороших девочек страдать.

Больше всего сплетники терпеть не могли то, что не получали ответа на свои возбуждённые разговоры. Чан Цин Ван постепенно потерял интерес, будучи встречен вежливым, но холодным и равнодушным приёмом со стороны Жун Ся, он встал и ушёл.

За пределами резиденции Чэнъянь Чан Цин Ван изобразил на лице насмешливую улыбку. Он думал, что у Жун Ся был какой-то интерес к Цзюньчжу Фу Лэ, очевидно, он слишком много думал. Нормальные мужчины не стали бы так смотреть, когда услышал, что их любимые женщины были в мыслях других мужчин.

Эта потрясающе красивая Цзюньчжу Фу Лэ была слишком жалкой, она снова стала объектом слухов, потому что кто-то был одержим ею.

Всякий раз, когда это происходило, история всегда обвиняла красоту как корень бедствий, хотя чья-то внешность была даром Небес. Один человек увлёкся, вместо того, чтобы обвинять этого человека в отсутствии самоконтроля, они обвинили другую сторону в том, что она

слишком красива. Такой абсурд, такая нелепость.

Он сам любил красоту, но не мог выносить сурового взгляда других на красоту.

* * *

Чан Цин Ван не преувеличивал, семья Янь действительно была в плачевном состоянии. Янь фужэнь охрипла от слёз при виде своего сына в состоянии "выдоха больше, чем вдоха". Её уста ругали сына за то, что он бесполезен, но сердце ненавидело Бань Хуа за то, что у неё демоническое лицо. Только воспитание манер на протяжении всей жизни заставило её проглотить готовые сорваться с языка слова.

Старший брат и невестка Янь Чжэня мягко пытались убедить его мать, в то же время беспокоясь о младшем брате, они были в тяжёлом положении и переутомлены.

Старший сын семьи Янь, Янь Мин, работал в Министерстве доходов, ему пришлось просить разрешения у своего начальника, чтобы заняться семейными делами. Он мог только притворяться, что не заметил странных выражений лиц своих коллег, когда поспешно уходил домой.

1. Ши 石 – скала, камень. Чан Цин Ван имел в виду, что семья такая же интересная, как камни.

<http://tl.rulate.ru/book/41874/3179903>